

В очередной том сборника включены статьи, посвященные эпиграфике, кодикологии, генеалогии, сфрагистике, исторической географии, источниковедению, истории археографии, а также историографии источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин по истории СССР и всеобщей истории.

Редакционная коллегия:

М. П. ИРОШНИКОВ (зам. отв. редактора), А. И. КОПАНЕВ,
акад. Д. С. ЛИХАЧЕВ, Н. Е. НОСОВ, Е. К. ПИОТРОВСКАЯ,
чл.-кор. АН СССР В. И. РУТЕНБУРГ, М. Б. СВЕРДЛОВ (отв. секретарь),
В. Г. ЧЕРНУХА, В. А. ШИШКИН (отв. редактор), С. О. ШМИДТ,
чл.-кор. АН СССР В. Л. ЯНИН

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ, Т. XVIII

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института истории СССР Академии наук СССР
и Ленинградским отделением Археографической комиссии
при Отделении истории Академии наук СССР*

Редактор издательства Г. А. Альбова
Технический редактор Е. В. Траскевич
Корректоры М. В. Едемская, Г. Н. Мартыанова и Э. Г. Рабинович

ИБ № 33138

Сдано в набор 28.10.86. Подписано к печати 15.05.87. М-33065. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 21.50 + 0.3 вкл. Усл. кр.-отт. 21.8. Уч.-изд. л. 26.12. Тираж 1650. Тип. зак. 936.
Цена 4 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Ленинградское отделение 199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

В 0503000000-618
042 (02) 87. 20.87-11

© Издательство «Наука», 1987 г.

В. И. МАЖУГА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

(Об исследовательском методе Е. Ч. Скржинской)

2 апреля 1981 г. скончалась доктор исторических наук Елена Чеславовна Скржинская. Коллеги-историки обычно знали Елену Чеславовну как работника в одной определенной области научного знания, которой сами занимались. Между тем Е. Ч. Скржинская соединяла в себе множество исторических специальностей. Археологи ценят ее прежде всего как издателя и интерпретатора написанного в середине VI в. сочинения Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (сокращенно называемого «Гетика»), в котором содержатся единственные в своем роде свидетельства о народах, населявших Северное Причерноморье, Подунавье и земли к востоку от Балтийского моря в IV—VI вв., в том числе свидетельства о славянских племенах. Историки Московской Руси знают ее как исследователя итало-русских связей в XV в. (некоторые оригинальные исследования Е. Ч. Скржинской, посвященные этой теме, еще ждут опубликования). В то же время до сих пор недостаточно известна исключительная роль ее в воссоздании истории итальянских колоний в Северном Причерноморье в XIV—XV вв. Хотя исследования Елены Чеславовны затрагивали главным образом периферию византийских владений на севере и западе, наибольшее признание она получила именно как знаток истории Византии. Свое достойное место заняла Е. Ч. Скржинская среди историков средневекового Запада, хотя она и работала несколько обособленно, так что даже не все коллеги-медиевисты знали о ее фундаментальных познаниях в истории западноевропейского средневековья. Сама Елена Чеславовна своей основополагающей специальностью считала историю Италии, а главным своим учителем — выдающегося отечественного медиевиста О. А. Добиаш-Рождественскую. Среди работ Е. Ч. Скржинской по истории западноевропейского средневековья выделяется единственный в нашей историографии большой (в восемь авторских листов) очерк истории средневе-

ковой техники.¹ Елена Чеславовна была несомненно крупным знатоком средневекового латинского документа; немногие среди отечественных ученых знали латинских писателей средних веков (историков, бытописателей, агнографов, эрудитов и ученых) в таком широком охвате и разнообразии, со столь интимным проникновением в их творчество, как Е. Ч. Скржинская.

Ряд важных специальностей Е. Ч. Скржинской представлен пока преимущественно или даже исключительно в ее обширном рукописном наследии, труд по разбору и описанию которого взяла на себя Е. В. Бернадская. В ожидании более подробного обзора научного архива Елены Чеславовны укажем только на те работы, которые свидетельствуют о наименее известных сторонах ее деятельности как историка. К раннему периоду творчества (конец 10-х—первая половина 20-х гг.) относятся работы, посвященные истории Южной Италии (очерк о хронике аббатства Монте-Кассино, материалы к истории Неаполитанского королевства в XIII в. и др.), транскрипции и резюме папских булл из собрания Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, весьма интересное исследование по литургике. Из более поздних работ остались неопубликованными, в частности, переводы греческих и латинских свидетельств о хазарах, которые вместе с вводной статьей и комментарием к ним составляют целую книгу. По тематике к этой работе примыкает опубликованная посмертно большая статья о половцах (о русском названии этого народа и о главной области его расселения).² Замечательные находки содержатся в законченных, хотя и оставшихся во фрагментарном изложении, исследованиях последних лет жизни Елены Чеславовны о русско-византийских связях в XII в.

Уже один этот далеко не полный перечень тем, которыми Е. Ч. Скржинская занималась в продолжение своей научной деятельности, заставляет признать в ней фигуру, редкую в исторической науке. Правда, в целом исследовательские интересы Елены Чеславовны сосредоточены вокруг одной обширной историко-географической области — Северного Причерноморья и соседствующих с ним земель по течению Дуная. Однако и в этих пределах материал, который она исследовала, чрезвычайно пестр и относится к самым разным эпохам и народам.

И все же в трудах Е. Ч. Скржинской можно проследить некоторый объединяющий мотив. Вскрыв его, мы по-настоящему оценим своеобразие ее творчества, особое его место в современной исторической науке и подойдем к источнику той одухотворенности, которой веет от научных произведений Е. Ч. Скржинской. При более внимательном взгляде мы увидим, что разнообразные научные опыты Елены Чеславовны объединяются уже

¹ Перечень печатных трудов Е. Ч. Скржинской опубликован в сб.: Византийский временник. М., 1983, т. 44, с. 268—269. — Далее: ВВ.

² Скржинская Е. Ч. Половцы: Опыт исторического истолкования этникона: Из архива ученого. — ВВ, 1986, 46, с. 255—276. — Публикацию подготовил Н. Ф. Котляр.

самым чрезвычайно строгим и последовательным методом изучения исторических источников, а главное, что в своей работе она настойчиво преследовала одни и те же сознательно поставленные цели в тесном единстве задачи и метода. Каковы были те высокие общие задачи, которые Е. Ч. Скржинская перед собой ставила, и с каким мастерством она их разрешала, мы и рассмотрим в настоящем очерке.

Обратим прежде всего внимание на то неизменное свойство исследовательской манеры Е. Ч. Скржинской, что, каким бы периодом, какой бы исторической областью она ни занималась, в поле зрения ученого всегда находились не только запечатленные в определенном источнике факты, но и сам исторический источник в его характерных чертах. Иными словами, Елена Чеславовна включала исторический источник в рассмотрение событий и жизненных обстоятельств прошлого как их настоящий памятник, как их воспринимаемый умом и чувствами, по определению самой исследовательницы, подлинный след; и вполне понятно, что особую притягательную силу для нее получали источники, сохранившиеся в их древнем материальном воплощении. Такое изучение прошлого дает ощущение как бы живого соприкосновения с ним. Более того, при чтении работ Е. Ч. Скржинской нередко убеждаешься в том, что исторический памятник для нее не менее важен, чем сами засвидетельствованные в нем события, и, пожалуй, можно сказать, что в большинстве ее исследований именно конкретные памятники являются главным предметом изучения, и эти исследования воспринимаются как законченные произведения, выполняющие свою задачу независимо от того значения, которое они могут иметь для будущих обобщающих трудов.

Е. Ч. Скржинская, как правило, описывает памятник «со всех сторон», старается с исчерпывающей полнотой обрисовать его, так сказать, внутреннюю и внешнюю форму. Передавая черты более внутреннего, умозрительного свойства, она учитывает особенности фонетического правописания, грамматики и синтаксиса, способы сокращения слов, формулярный (если речь идет о документе или памятной надписи), в частности, способы датировки, а равно и характерные риторические приемы, лексический состав и особенности построения мысли; она не оставляет нераскрытым ни один символ (объясняя, к примеру, каждый геральдический знак, которым сопровождается надпись на камне), восстанавливает иконографические традиции, которым следовал автор памятника (скажем, в изображении верхнего облачения того или иного персонажа, представленного на печати). Елена Чеславовна умела создать зримое, пластическое представление о внешней форме памятника, учитывала свойства материала, пропорции памятника, особенности искусства резьбы по камню (причем за письмом надписей, высеченных на камне, она всегда представляла современное ему письмо на мягком материале) или

способ, которым была отлита печать, все особенности письма. Таким образом, в исходе своего исследования Е. Ч. Скржинская подходит к памятнику с предельно четким представлением о тех знаниях, умениях и навыках, которыми руководствовался и которые применял автор памятника, и до известной степени она как бы воспроизводит сам процесс создания памятника. В свете обстоятельных сведений, которые сообщает о нем Елена Чеславовна, памятник истории выступает всегда и как памятник культуры того народа и той эпохи, к которым принадлежал древний писатель, нотариус или мастер, создатель памятника. С другой стороны, сосредоточивая внимание на самих исторических памятниках, Е. Ч. Скржинская почти никогда не ограничивается описанием только их формы и внутренних свойств или их конкретного назначения и судьбы в веках, но старается осветить и все отображенные в памятнике дела, события и обстоятельства.³ Описывая то, как работал писатель или мастер, как справлялся он с теми частными задачами, которые перед ним возникали, Елена Чеславовна показывала в конечном счете, как он умел придать строгую, общепонятную и часто художественную форму сырому материалу истории. В ее трудах ощутимо переживание самого культурного творчества, совершавшегося много столетий назад. Так на собственном опыте осуществляла она настойчиво выдвигаемое ею требование «теснейшего и вразумительного соприкосновения с источником».⁴ Это проникновение в сознание автора памятника, более чем что-либо другое, и делало возможной ту полноту эмоционального восприятия прошлого, которой отличаются работы Е. Ч. Скржинской.

Памятники, которыми занималась Елена Чеславовна, почти все без исключения относятся к разряду письменных исторических источников, хотя содержащийся в них (например, в номинальной надписи на кресте или в легенде на печати) текст и ограничивался порой немногими словами. Исследовательское мастерство Е. Ч. Скржинской проявилось прежде всего в тонком разборе способов выражения мысли, передачи сообщения; ее пристальное внимание было одинаково направлено и на общую композицию произведения, и на смысл отдельных понятий.⁵ Превосходно владея искусством слова, она глубоко сознавала всю сложность этого искусства, его беспредельные возможности, и за неясным, часто неумелым или слишком свободным выражением мысли в древнем памятнике она не спешила предполагать отсутствие смысла. Большое доверие к уму и знаниям древних авто-

³ Ср., например, ее публ. «„История“ Олимпиодора: Перевод. статья, примечания и указатели» (ВВ, 1956, т. VIII, с. 223—276) или ее статью «Венецианский посол в Золотой Орде» (там же, 1973, т. 35, с. 103—118).

⁴ Скржинская Е. Ч. Неиспользованные источники преподавания истории. — Вестник высшей школы, 1940, № 17, с. 22.

⁵ Ср., например, анализ писательской манеры Иордана в ее издании: Иордан. О происхождении и деяниях гетов: *Getica* / Вступит. ст., пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960, с. 54—59; ср. с. 13, 25.

ров заметно отличает ее от многих ученых, в чем сказалась ее твердая убежденность в разумных началах культуры и культурного творчества в каждую историческую эпоху. Свою правоту в этом отношении она многократно и блестяще доказывала, например, в толковании тех мест в тексте «Гетики» Иордана, где речь идет о западной границе расселения славян в VI в.⁶ Столь же замечательным образом, заново прочитав дату надгробия монаха и архитектора Иоанникия, Елена Чеславовна освободила автора надгробной надписи XI в. от незаслуженного обвинения со стороны прежнего исследователя, академика В. В. Латышева, в незнании правильного летосчисления.⁷ С подлинным вдохновением раскрывает она значение исторических свидетельств любимого ею поэта, писателя и мыслителя XIV в. Франческо Петрарки.⁸

Пафос научной деятельности Е. Ч. Скржинской в немалой мере определялся страстным желанием показать, что памятники истории часто намного содержательнее, чем принято считать в науке.⁹ Исследовательница умела прочитать древний текст на редкость внимательно. Елена Чеславовна говорила о самой себе, что она «чувствительна к неясности», и останавливалась на тех местах в тексте, мимо которых проходили другие исследователи, либо вообще не осознав их своеобразного и важного значения, либо удовлетворившись ранее предложенным толкованием, далеким от точного смысла текста. Терпеливо и неспешно разворачивала она в ясной последовательности мысль древнего автора, и в конце концов ей удавалось убедительным образом показать, что именно хотел сказать этот автор. Весьма существен вклад Е. Ч. Скржинской в объяснение содержания важных исторических источников, в восстановление их правильного чтения.¹⁰ Исходя из внутреннего смысла памятника, прибегая к взаимному освещению источников, она впервые раскрыла реальное содержание ряда понятий, личных имен, географических наименований, прежде казавшихся в источниках темными и загадочными. К сожалению, многие положительные сведения, которыми Елена Чеславовна обогатила историческое знание и которые непременно должны войти в словари и справочники, пока остаются лишь частью ее рукописного наследия.

Детальное изучение содержания каждого исторического источника в неразрывной связи с формой, в которую оно отлилось,

⁶ См. отдельное исследование «О склавенах и антах, о Мурспанском озере и городе Новьетуне» (ВВ, М., 1957, т. XII, с. 3—30).

⁷ Греческая надпись из Тмутаракани. — ВВ, М., 1961, т. XVIII, с. 75—84.

⁸ Петрарка о генуэзцах на Леванте. — Там же, 1949, т. II, с. 245—266.

⁹ Ср., например, ее общую оценку творчества Иордана: *Иордан*. О происхождении..., с. 54—59.

¹⁰ К упомянутым уже изданиям наиболее крупных источников надо присоединить кн.: Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1971. 275 с.

превращается в исследование судеб многих народов и их культуры и вообще важных связей и перипетий в истории европейской цивилизации, особенно, когда это касается памятников истории и культуры Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья в средние века. Ведь здесь на протяжении более чем тысячелетнего периода, с V по XV в., который изучала Елена Чеславовна Скржинская, взаимодействовали и сменяли друг друга самые разные народы, происходившие здесь события глубоко потрясали греко-римский мир на его закате, а затем весьма сильно отражались на делах Византии и вновь образовавшихся на Балканах государств, как и средневековой латинской Европы, непосредственно затрагивали жизнь Древней Руси. Между тем письменные свидетельства об истории этой обширной области весьма скупы, и почти всякий памятник, изученный исследовательницей, уникален. Рассматривая каждый текст и его древнее материальное воплощение, когда он в таковом дошел до нас как памятник культуры того или иного народа (умственной, правовой, художественной, а равно и технической), Е. Ч. Скржинская не менее увлеченно и, как правило, с предельной обстоятельностью исследовала все выступающие в этом историческом памятнике отношения письменных народов между собой и с кочевой Евразией — отношения политические, торговые, культурные и церковные. С особо живым вниманием наблюдала она ту незримую духовную связь разных народов, которая устанавливалась, когда люди, писавшие на разных языках — греческом, латинском или древнерусском, — освещали одни и те же события и явления, по-разному проявляя свое искусство в увековечении памятных дел, и по-своему изображали другие народы, обпаруживая свой интерес к ним.

В доскональном знании памятников истории и культуры одновременно нескольких, во многом мало похожих народов и заключается главным образом редкий характер исторических исследований Е. Ч. Скржинской. На протяжении всей своей жизни она терпеливо подбирала ключи к этим памятникам, овладевая одной за другой множеством вспомогательных исторических дисциплин: историческим языкознанием, палеографией, сначала латинской, затем греческой и, наконец, русской, эпиграфикой в такой же последовательности, дипломатикой, специальными разделами истории права, сфрагистикой, нумизматикой, исторической географией, ономастикой, генеалогией и т. д. Уже в 1928 г. труды Е. Ч. Скржинской в области латинской эпиграфики увенчались изданием в Италии ее корпуса латинских надписей генуэзских колоний в Крыму¹¹ — книги, которую в свое время член-корреспондент АН СССР О. А. Добиащ-Рождественская назвала «классической».¹²

¹¹ *Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée.* — In: *Atti della Società Ligure di storia patria*. Genova, 1928, vol. 56. 140 p.

¹² См. письмо О. А. Добиащ-Рождественской от 19 июля 1938 г. к О. Л. Вайнштейну, хранящееся в Государственной Публичной библио-

Необыкновенно кропотливый труд, которого требовало овладение этими разнообразными знаниями, является не последней причиной того, что число законченных работ Е. Ч. Скржинской менее внушительно, чем у других ученых такого масштаба. Но именно благодаря своим широким и вместе с тем детальным познаниям во вспомогательных исторических науках, разработанных на материале разных народов, Елена Чеславовна и сумела осуществить ряд столь же уникальных исследований, сколь уникальны памятники, к которым она обращалась. Еще в первой половине 30-х гг., будучи прекрасно осведомленной на основе изучения оригинальных источников в истории Южной Италии в середине века, Елена Чеславовна исправила почти на два столетия датировку изученного и опубликованного В. Н. Бенешевичем документа на греческом языке из сицилийского города Мессины и тем самым доказала его особо редкий характер. При этом она воссоздала всю историческую обстановку, в которой документ возник, что позволило датировать его в пределах двух десятилетий.¹³ Заметим, что первый значительный опыт Е. Ч. Скржинской в византистике был, таким образом, выполнен в успешном соревновании с европейски признанным знатоком византийского права, каким был В. Н. Бенешевич, член-корреспондент АН СССР с 1924 г.¹⁴ Четверть века спустя благодаря основательному владению средневековой греческой палеографией и дипломатикой, которого в свое время не смог достичь академик В. В. Латышев, отправлявшийся от древнегреческого материала, а главное, благодаря хорошему знанию древнерусского летописания, с которым Латышев, по-видимому, был мало знаком, Е. Ч. Скржинская не только впервые правильно прочла уже упомянутую нами греческую надпись из Тмутаракани, прежде изученную Латышевым, но и убедительным образом связала имя монаха и архитектора Иоанникия, героя надписи, с деятельностью первого русского летописца — Никона.

Накопленная с годами эрудиция позволяла найти путеводную нить в решении чрезвычайно трудных вопросов, которые встают перед исследователем памятников средневековой письменности, в особенности при толковании имен и названий, при разборе хронологических показаний. И Елена Чеславовна не жалела сил и времени, когда чувствовала себя в состоянии раскрыть памятник, в той или иной части еще неведомый науке.

теке в Ленинграде (ОПРК, ф. 254, № 487). С содержанием письма нас любезно познакомил Б. С. Каранович.

¹³ *Skržinskaja E.* Esame e datazione del contratto di Messina. — *Studi bizantini*. Roma, 1935, t. IV, p. 141—151.

¹⁴ Материалы творческой биографии В. Н. Бенешевича опубликованы Е. Э. Гранстрем в сб.: ВВ, т. 35, с. 235—243. — Сам В. Н. Бенешевич, высоко оценив исследовательские способности Е. Ч. Скржинской, убеждал ее посвятить себя изучению истории Византии, обещая, по ее словам, что она найдет здесь настоящий «кладезь». Очевидно, он имел в виду богатство культурных традиций Византии и плодотворность их изучения.

В последние десятилетия ее долгой жизни постоянной страстью Е. Ч. Скржинской становилось изучение тех исторических источников, которые отразили различные связи молодого Русского государства с Византией и Италией — теми средневековыми странами, в которых она видела прежде всего главных восприимчивых античной культуры, перевоплотивших к тому же ее в наиболее совершенных формах. Здесь-то и развернулась с новой силой эрудиция ученой. К сожалению, ей не удалось в полной мере осуществить замысел написания большого труда «Италия, Византия и Русь в XII в.». Но среди ее рукописных материалов находится несколько в основном законченных исследований, выполненных в русле этой общей работы. Все они чрезвычайно ценны для отечественной истории: благодаря главным образом тщательному сопоставлению с византийскими источниками исследовательница заново прочитала ряд свидетельств русских летописей, разъяснила некоторые географические названия и имена действующих лиц, убедительно перестроила принятую в науке хронологию событий. Есть все основания надеяться, что в ближайшие годы научная общественность познакомится и с этой, до сих пор еще почти неизвестной, стороной исследовательской деятельности Е. Ч. Скржинской.

В XVI выпуске «Вспомогательных исторических дисциплин» уже опубликован очерк Е. Ч. Скржинской о киевской печати XIV в. с греческой надписью.¹⁵ Любопытно отметить, что первой из громадного неопубликованного научного наследия Елены Чеславовны вышла в свет работа, которая была последней в ее творческой биографии.¹⁶

Взаимные связи стран средиземноморской Европы и Руси, судьбы культуры греческой, латинского Запада и русской, исследуемые на конкретных памятниках, представляют увлекательнейшее — Елена Чеславовна сказала бы «упоительное» — зрелище. Но не одна любознательность, пусть связанная с сознательным стремлением достичь эмоционального переживания истории и с привычкой к предельно тщательной работе, двигала и направляла научные изыскания Е. Ч. Скржинской. Настоящий нерв ее научного творчества надо искать глубже. Елена Чеславовна всегда напряженно размышляла и что-то припоминала, тех, кто с ней близко общался, поражала осознанным отношением к самым, казалось бы, малозаметным и малозначащим вещам, нередко удивляла своим смелым обращением к совести других людей. Главнейшей ее внутренней потребностью было, как она говорила, «все означить словом» (с этой стороны она

¹⁵ Скржинская Е. Ч. Печать Нила: (Киевская находка 1976 г.). — В кн.: ВИД. Л., 1985, XVI, с. 83—92.

¹⁶ Это оказалось возможным благодаря счастливой творческой встрече Е. Ч. Скржинской с А. К. Гавриловым, к которому она обратилась как к авторитетному эллинисту. После ее кончины он без промедления взялся за публикацию работы, которую она обсуждала с ним, и тем показал пример другим ее научным наследникам.

одинаково высоко оценивала творчество таких мало похожих один на другого писателей, как Л. Н. Толстой и М. Пруст). В постоянном сосредоточении на конкретных исторических памятниках, в неизменном восприятии их в качестве памятников культуры для Елены Чеславовны заключалось по-своему осознанное служение истине и общественной пользе; на этой же основе выросал ее интерес к традициям отечественной культуры.

Всякий, кто соприкасался с древними памятниками в их подлинном виде, знает, сколько необычного, малопонятного для современного человека они в себе заключают, как отчаянно трудно бывает сделать какой-либо шаг на пути их раскрытия начиная с толкования простейших письменных знаков. В то же время внимательное изучение подлинных источников приучает видеть сам строй былой жизни настолько причудливым и сложным, насколько необычны для нас или неожиданны в своих значениях понятия и образы, в которых передано объективное содержание источника, и насколько в целом своеобразно строится мысль древнего автора. Как всякий настоящий ученый, испытывая живейшее чувство глубины непознанного и одновременно острое желание точного знания, Е. Ч. Скржинская начинала себя чувствовать достаточно уверенно в изучении истории лишь тогда, когда ей удавалось отчетливо рассмотреть, как, по каким правилам построен конкретный исторический источник и какие смысловые связи в нем проведены. Свое отношение к источнику в деле исторического познания Е. Ч. Скржинская умела передать в прочувствованных образах. Например, в статье 1940 г. «Неиспользованные источники преподавания истории», к которой выше мы уже обращались, она так говорит о важности твердого знания источников: оно необходимо для того, «чтобы в невольном иногда уклоне в модернизацию не исказить трудно проявляемого, часто туманного лица далекого прошлого».¹⁷

Мера понимания реальной исторической обстановки для Е. Ч. Скржинской определялась в первую очередь мерой проникновения во внутренний смысл конкретных источников. В другой программной статье того же времени, посвященной преподаванию латинской палеографии, курс которой в предвоенные годы она вела в Ленинградском университете, Елена Чеславовна писала: «Если историк не знает источников, если он не опирается на них и не исходит из них в своих построениях — он не историк, а только начетчик исторических книг, пусть даже образованный, но неизбежно подверженный опасности оказаться во власти концепций тех или иных авторов использованных им сочинений».¹⁸

При неизменной ее привязанности к конкретному источнику она вовсе не отрицала ценности более широких, обобщающих

¹⁷ Скржинская Е. Ч. Неиспользованные источники преподавания истории, с. 22.

¹⁸ Скржинская Е. Ч. Забытая историческая дисциплина. — Вестник высшей школы, 1940, № 10, с. 13.

исследовании и свою роль в науке оценивала довольно скромно. Но уже сам неутомимый, нередко долгий и тяжкий поиск нового подлинного знания в источниках, который оборачивался для нее немалыми житейскими затруднениями, делал Е. Ч. Скржинскую одним из героев науки.

Особое внимание к форме каждого конкретного источника, восприятие объективной истории в неразрывной связи со способом выражения исторического свидетельства тем более оправдано, что в самой форме исторического памятника подчас раскрываются вещи не менее важные для истории, чем запечатленные в памятнике события. В правовых документах, пожалуй, наиболее видной группе исторических источников, весь контекст составляющих памятник понятий предельно приближается к самому укладу жизни в прошлом. Разные стороны этого уклада, формы сознательной деятельности людей прошлого и искала в первую очередь Е. Ч. Скржинская, поэтому понятен ее особый вкус к изучению именно правовых документов. Вот в каком смысле надо в конечном счете понимать восприятие исследовательницей исторических памятников в качестве памятников культуры, т. е. в смысле поиска форм самой исторической жизни, а вернее, в смысле изучения связи идей и представлений, которыми руководствовались люди прошлых эпох в оценке жизненных обстоятельств и в практической деятельности. Можно сказать, что метод работы Елены Чеславовны в наибольшей степени отвечал характеру того исторического материала, который она искала.

Свойственная ей как исследователю манера работы — в общем подходе к историческому источнику постоянно выделять, высоко их оценивая, сами по себе формы былой культуры, в которых выражено историческое свидетельство или, иначе говоря, отложилось прошлое, — коренилась в глубокой личной потребности и в то же время была связана с заветными мыслями об общественном призвании ученого-историка. Для человека, расположенного к анализу собственного сознания, естественно видеть в формах культуры, выработанных в далеком прошлом, общую основу тех понятий и представлений, которые действуют в нашем живом сознании. Имея в виду определяющее значение исторически сложившейся культуры для всей нашей умственной деятельности, Елена Чеславовна не уставала повторять: «Мы пронизаны культурой». Изучение памятников истории и культуры давало возможность составить конкретное представление о функциях культуры в прошлом и таким образом воспринять живую культуру в ее генезисе, а благодаря этому достичь более целостного и одновременно более четкого понимания многообразных форм человеческой деятельности, лучше овладеть наиболее универсальными ключами к различным знаниям. Иными словами, изучение подлинных памятников истории как памятников культуры в трудах Е. Ч. Скржинской было устремлено в конечном счете на то, чтобы придать собственному сознанию

и сознанию тех, к кому ее творчество было обращено, большую ясность и тем самым увеличить человеческие возможности для плодотворной деятельности.

Именно такой высокий смысл вкладывала Е. Ч. Скржинская в свои научные занятия. В рецензии на книгу академика И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями» она писала по поводу содержащихся в книге очерков жизни и деятельности трех ученых-арабистов (Рейске, Гиргаса, Сольхана): «Все три образа убедительно говорят о высокой миссии науки в человеческой культуре, об ученом как вершителе большого дела, нужном для роста и совершенствования человечества».¹⁹ Эти слова вполне могут быть восприняты как определение смысла собственного творчества Елены Чеславовны — только с таким пониманием своей задачи могло быть связано часто повторяемое ею требование «вдохновенной» работы. Заметим, однако, что при всем том она не была склонна приписывать прямую практическую действенность занятиям далеким прошлым.

Поспешим отвести одно недоумение. Естественно возникает вопрос, как можно видеть культуру в ее историческом генезисе, сосредоточивая всякий раз внимание на конкретном памятнике, будучи, так сказать, привязанным к его неповторимому лику. (Впрочем, в творчестве Елены Чеславовны есть в этом смысле такое исключение, как упомянутый уже очерк истории средневековой техники, по в силу общего характера очерка ее исследовательское мастерство не проявилось в нем в такой мере, как в других ее трудах). В действительности о характере исследовательской работы Е. Ч. Скржинской надо говорить сильнее: Елена Чеславовна высвечивала отдельные моменты истории европейской культуры в связи с конкретными памятниками. При той полноте анализа, которой она обычно добивалась в исследовании частного предмета, было неминуемым детальное знакомство с различными сторонами культуры общества, в котором тот или иной памятник возник. Те коллеги Елены Чеславовны, кто хорошо знаком с ее творчеством, неоднократно отмечали, что в трудах Е. Ч. Скржинской можно почувствовать само дыхание или, говоря по-иному, движение истории. Ее метод будет правильно определить латинской формулой: *pars pro toto*. Лишь потребность в предельно четком, доходящем до осязаемости представлении об исторической эпохе, стремление добиваться действительно нового верного знания — и здесь Елена Чеславовна была весьма удачлива — заставляли ее сосредоточиваться почти всегда на одном или немногих исторических памятниках.

В упомянутой выше рецензии на книгу академика И. Ю. Крачковского — надо заметить, приветственно встреченной самим автором — Е. Ч. Скржинская привела следующее высказывание автора по поводу судьбы в веках одного выдающе-

¹⁹ Академик И. Ю. Крачковский: Над арабскими рукописями: Листки воспоминаний о книгах и людях. — Вестн. АН СССР, 1946, № 10, с. 129—133.

гося памятника средневековой литературы, дошедшего до нового времени в единственном списке, а равно и по поводу истории его изучения: «(Получилась. — В. М.) картина величественная и поучительная, в которой, „как солнце в малой капле вод“, отражается неустанное движение человеческой культуры».²⁰ Здесь же поместила она и другое, более общее суждение автора о самом широком и актуальном значении исследования конкретных памятников письменности: «Рукописи сближают людей. Знакомство с ними, как проникновение в природу, как восприятие искусства, расширяет горизонт человека, облагораживает всю его жизнь, делает его участником великого движения человечества на пути культуры».²¹ Е. Ч. Скржинская нашла в И. Ю. Крачковском, ученом, казалось бы, далеком от нее по области специальных занятий, человека, наиболее близкого ей по духу своей деятельности; она всегда с большим воодушевлением говорила о былом дружеском общении с ним и особенно ценила его способность верно и емко, с тонким вкусом выражать те самые мысли, которые ее волновали. Приведенные слова почтенного академика-арабиста с полным правом могут быть отнесены к научным трудам Е. Ч. Скржинской как еще одно весьма существенное определение их смысла.

Особенно ярко личная причастность Е. Ч. Скржинской к «движению человечества на пути культуры» проявилась в ее деятельности по изданию исторических памятников. Она умела по-настоящему ввести памятники прошлого в нашу живую культуру, как бы восстанавливая связь времен. Благодаря не только основательному владению рядом европейских языков в их различных исторических состояниях, но и художественному чувству родного слова, тонкому знанию его богатых смысловых и стилистических возможностей Е. Ч. Скржинская дала важным историческим памятникам вторую жизнь в стихии русского языка. Своей кропотливой интерпретацией каждого малопонятного в оригинале или особо значимого слова она сделала эти памятники для нас внятными, доступными нашему пониманию в их наиболее существенных и своеобразных деталях. Так мы получили лишнюю возможность увидеть прошлое как бы глазами его свидетелей, в их часто красочном, драматичном и порой высокохудожественном изображении, проникнуться их переживаниями, познакомиться с мастерством авторов, творивших в самые разные периоды средневековья, в самых разных исторических и культурных условиях в течение более тысячи лет, начиная с живших в V—VI вв. Олимпиодора и Иордана и кончая писателями эпохи Возрождения, великим Петраркой и принявшимися на склоне лет за мемуары венецианскими купцами и дипломатами Иосафатом Барбаро и Амброджио Контарини.

²⁰ Там же, с. 131.

²¹ Там же, с. 132.

При несомненной важности объективных результатов исторических исследований Е. Ч. Скржинской все же может сложиться впечатление, что сам метод ее работы слишком индивидуален, своеобразен и поэтому не может быть принят как поучительный пример, имеющий научное и общественное значение. Постоянное сосредоточение на конкретных источниках, всегда предельно обстоятельное, всестороннее рассмотрение каждого источника может быть многими воспринято как способ работы, в общем сдерживающий плодотворный научный поиск. Необходимо обратиться к истории отечественной науки, чтобы вполне оценить значение трудов Е. Ч. Скржинской и того направления исследовательской работы, замечательным и довольно редким представителем которого она в наши дни была.

Творчество Е. Ч. Скржинской, как мы постараемся показать, разворачивалось в русле весьма видных и, с уверенностью можно сказать, ценных традиций отечественной науки и культуры, освященных авторитетом крупнейших ученых. Научная, а равно и педагогическая деятельность Елены Чеславовны помимо всего прочего заслуживает внимания как прекрасный пример верности заветам учителей и делу старших товарищей в науке. Сам психологический и умственный склад Е. Ч. Скржинской как ученого, лежавший в основе ее подхода к материалу истории, был в значительной мере определен теми культурными традициями, которые она усвоила еще в начале своей жизни. Об этом прежде всего и скажем несколько слов, без чего образ ученого не будет полным.

Е. Ч. Скржинская выросла в Петербурге в высококультурной семье трудовой интеллигенции. Ее отец, Ч. К. Скржинский, был одним из ведущих в России инженеров-электриков. Непосредственным воспитанием Елены Чеславовны, ее сестры и братьев занимался родственник матери, талантливый учитель-естествовик Я. И. Ковальский, имя которого и в наши дни известно тем, кто разрабатывает методику преподавания физики. Но самое глубокое влияние на Елену Чеславовну оказала ее мать, Е. В. Головина-Скржинская, которая и для взрослых своих детей оставалась самым близким другом и конфидентом. С молодых лет она самостоятельно строила свою жизнь, стала одной из первых в России женщин-врачей, а позднее приобрела и всероссийскую известность как первая женщина, выступившая в качестве судебного эксперта. Незаурядные свойства ее ума и характера привлекали к ней внимание видных общественных деятелей и ученых. Другом семьи Скржинских стал А. Ф. Кони; в еще юной Елене Чеславовне он нашел свою любимицу, наблюдал за развитием ее интересов и приветствовал первые ее научные опыты. Сама Елена Чеславовна запомнила А. Ф. Кони как совершенный образец ясного человеческого ума.

Думается, именно из обстановки семейного воспитания вынесла Е. Ч. Скржинская заметно отличавшую ее привычку к самостоятельному осмыслению любой, даже самой малой вещи,

с которой она сталкивалась, а равно и особый вкус к точному, верному знанию. Отсюда же несомненно она усвоила и не менее свойственное ей постоянное любованье разнообразными человеческими способностями и умениями. В своей семье она восприняла и пронесла затем через всю жизнь и то воодушевление перед наиболее совершенными творениями европейской и мировой культуры, которое было столь характерно для осознавшей свои силы русской интеллигенции XIX в. и которое неразрывно связано с овладением подлинным мастерством в разных сферах культурного созидания. Елена Чеславовна часто говорила о том, что ощущает русскую культуру XIX в. как живую и свою.

Уже в школьные годы у Елены Чеславовны определилась склонность к внимательному изучению памятников духовной культуры Европы. Ее привлекло западное средневековье, исполненное необыкновенного психологического напряжения и драматизма. Как важнейшие события школьных лет в памяти Елены Чеславовны запечатлелись работа над сочинением о Бернаре Клервоском и признание, которое эта работа получила: учитель попросил ее прочесть сочинение перед классом. Тогда же восприняла она и особый культ Италии как страны, исключительно богатой памятниками культуры. Вполне осознанным было для нее поступление в 1912 г. на историко-филологический факультет Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов, где в то время преподавали сразу несколько выдающихся отечественных медиевистов, изучавших прежде всего духовную историю западного средневековья с особым вниманием к истории Италии.

Одно важное свойство как свидетельство высокого уровня, достигнутого тогда отечественной наукой о западном средневековье, отличало научное творчество петербургских медиевистов: сколь бы смелыми и широкими ни были их построения, в какие бы головокружительные выси умозрения эти учения ни пускались, всегда в своем творческом воображении они отталкивались от основательного всестороннего знания и живого восприятия подлинных источников. В этом отношении все учителя Елены Чеславовны были крупными эрудитами, не только О. А. Добиаш-Рожdestвенская, признанный авторитет в источниковедении, но и Л. П. Карсавин и позднее Г. П. Федотов. Именно умению понимать разнообразные источники, самостоятельно разбирать их во всех деталях, без лишних затруднений пользуясь разнообразной справочной литературой, в первую очередь и учили тогда начинающих историков на Бестужевских курсах. Семинарские занятия, посвященные всегда изучению памятников определенного рода, превратились к тому времени в главную форму обучения, что составило основу так называемой «предметной системы».²² Таким образом, уже на первых подсту-

²² См.: Вревская Н. П. Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. — В кн.: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские)

пах к исторической науке Елена Чеславовна была приучена получать знание об истории непосредственно из многочисленных и строго интерпретированных источников, невзирая на их сложность, и проверять по источникам любой научный труд.

В качестве некоторого пояснения заметим, что необходимым условием успешности такого рода занятий было знание языков. Полученная в школьные годы подготовка Елены Чеславовны в достаточной мере удовлетворяла этому требованию: она знала основные новые европейские языки, включая начала итальянского, и латинский, понимание которого на первом своем студенческом экзамене продемонстрировала на пространном тексте из Тацита, автора, отнюдь не легкого по языку и мысли. На курсах она испробовала свои силы и в чтении греческих авторов в семинарских занятиях у М. И. Ростовцева.

Казалось бы, выучка, полученная Е. Ч. Скржинской на Бестужевских курсах, означала лишь нормальное усвоение начинающим историком основ своего ремесла, и можно было бы на этом не останавливаться. Но надо признать, что далеко не у всех профессиональных историков приверженность к историческому источнику, сознание необходимости самостоятельной его интерпретации стали до такой степени неотъемлемой частью самой их натуры, как у Елены Чеславовны. И несомненно в этом сказалось особое качество той подготовки, которую она получила на Бестужевских курсах. В зрелые годы и в конце жизни она неоднократно чувствовала себя вынужденной напомнить иным своим коллегам, когда речь шла о воспитании научной смены, что в первую очередь надо обратить внимание на непосредственное изучение исторических источников, сколь бы сложны они ни были.

Душой историко-филологического факультета был тогдашний его декан, патриарх петербургской медиевистики И. М. Гревс. Именно ему принадлежит главная честь введения «предметной системы», давшей столь замечательные результаты, что курсистки, «увлеченно пройдя ее иску», по словам самого И. М. Гревса, показывали себя на заключительных экзаменах по специальным отделам так, как если бы они держали экзамен на ученое звание магистра наук.²³ Ко времени поступления Елены Чеславовны на Бестужевские курсы бывшая ученица Гревса О. А. Добиаш-Рожdestвенская, по собственному его признанию, уже превзошла учителя своим мастерством, которое она развила в занятиях у классиков французской историографии Ф. Лота и Ш. Ланглуа. Но влияние Гревса на творческое сознание начинающих историков было по-прежнему велико. Он

жевские) курсы. Л., 1973, с. 17—18; ср.: Быкова Т. А. Историческое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов. — Там же, с. 84—92. — См. особо с. 86—87.

²³ Быкова Т. А. 1) Историческое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов, с. 87; 2) История преподавания на историко-филологическом факультете, с. 83.

умел выразить важные общественные настроения, выступал как идеолог культуры, последовательно утверждая ценности духовной культуры в своей преподавательской и научной деятельности. Исходя из восприятия всей человеческой культуры как целого, он призывал обращаться от умозрительных занятий текстами к подлинным памятникам общественного быта в их реальном природном и историческом окружении и прежде всего к памятникам, эстетически полноценным. В этом он видел способ воспитания и поддержания в молодом научном и вообще культурном работнике более осознанного эмоционального отношения к высоким достижениям культуры прошлого. Е. Ч. Скржинская непосредственно развила эти идеи в своих последующих разработках экскурсий по монументальным памятникам Крыма. Знаменательно, что именно ей принадлежит единственный развернутый очерк жизни и деятельности И. М. Гревса, достойный памятник этому замечательному человеку.²⁴

В превосходном питомнике молодых ученых, каким по сути являлись Бестужевские курсы, были замечены выдающиеся способности Е. Ч. Скржинской к научной работе. Позднее, спустя почти два десятилетия с того времени, как в 1919 г. Елена Чеславовна представила свою дипломную работу (так называемый «отдел»), посвященную хронике аббатства Монтекассино, О. А. Добиаш-Рождественская рекомендовала Е. Ч. Скржинскую как лучшую из своих старших учеников: «Е. Ч. Скржинская — такая давняя моя ученица, а в последние годы — сотрудница, которую из старших моих учеников я не могу по совести не признать лучшей как по ее глубокой, разносторонней и тонкой учености... так и по яркой и живой талантливости, литературной, педагогической и научной...»²⁵ Благодаря наилучшим аттестациям, полученным от ее учителей, Елена Чеславовна была зачислена в штат сотрудников тогда же образованной Российской Академии истории материальной культуры, ставшей в те годы главным центром исторических исследований в стране. В этом высоком учреждении, в окружении крупнейших отечественных ученых и определилась окончательно творческая индивидуальность Е. Ч. Скржинской как ученого-историка.

Необходимо подробнее охарактеризовать историю Академии в первые годы ее существования, чтобы стала ясна кровная связь всего творчества Е. Ч. Скржинской с духом и деятельностью ГАИМК (с 1926 г. она стала называться Государственной Академией истории материальной культуры). История этого учреждения освещена в историографии главным образом как история Института археологии АН СССР в ее начальный период. Но Академия была учреждением, организующим научную деятель-

²⁴ Скржинская Е. Ч. Иван Михайлович Гревс. — В кн.: Гревс И. М. Тацит. М.; Л., 1946, с. 223—248.

²⁵ См. упомянутое выше письмо О. А. Добиаш-Рождественской к О. Л. Вайнштейну от 19 июля 1938 г.: с. 8—9, примеч. 12.

ность отнюдь не только в области археологии, ею выдвигались самые широкие задачи изучения истории человеческой культуры, она объединяла ученых многих исторических специальностей. Непосредственные задачи, поставленные перед вновь образованной Академией, были вполне практическими и внешне ограниченными: изучение «памятников древности, искусства и старины», раскрытие путем раскопок новых вещественных памятников и памятников иного вида, их разыскание, сбор и оценка, разработка основ охраны и реставрации, а также популяризация знаний о культурно-исторических памятниках.²⁶ Однако то условие сотрудничества в Академии, которое заключалось в сосредоточении исследовательских интересов на изучении конкретных памятников истории, культуры и быта, оказалось весьма подходящей основой для объединения крупнейших историков России — исследователей докапиталистических обществ, этнографов, изучающих живую древность и старину, историков искусства. Позднее, вспоминая пору создания Академии, академик С. А. Жебелёв мог с достаточным основанием сказать, что состав возглавлявших ее действительных членов включал «почти все наличные в нашей стране научные силы из лиц старшего и среднего поколения».²⁷

Ведущие ученые ГАИМК были редкой силы исследователями, сформировавшимися в обстановке общественного подъема России в предреволюционные десятилетия и связанного с ним возрастания роли гуманитарных наук, они заново открывали или существенно обновляли обширные области исторического знания на основе самостоятельной проработки часто ими же найденных источников. И можно смело сказать, что для этих ученых, умевших достичь живого видения эпохи, памятники истории и культуры не только служили источником знания, не только заключали в себе стимул к упражнению критических способностей и профессионального мастерства, но и являлись предметом настоящего культа как подлинные свидетели и нередко совершенные порождения былой культуры и жизни. Несомненно, в создании Академии нашло выражение и характерное для того времени движение в гуманитарной науке и культуре, смысл которого состоял в обращении к наиболее наглядным, бытовым сторонам культуры. Как это мы уже отмечали в отношении И. М. Гревса, при общем представлении о взаимосвязи всех элементов человеческой культуры изучение наиболее доступных, осязаемых сторон культуры, особенно на основе подлинных памятников, выступает как вернейший способ проникновения в своеобразный строй культуры прошлого — способ, при котором одновременно

²⁶ См.: *Пескарева К. М.* К истории создания Российской Академии истории материальной культуры. — КСИА АН СССР, 1980, № 163, с. 26—32.

²⁷ *Жебелёв С. А.* Рождение ГАИМК: Из воспоминаний о Н. Я. Марре. — В кн.: *Проблемы истории докапиталистических обществ.* М.; Л., 1935, № 3—4, с. 173.

достигается известная полнота эмоционального восприятия и достаточная определенность, надежность исторического знания.²⁸

Но, разумеется, не только общее внимание к памятникам истории и культуры и искусство их изучения сближали в ГАИМК ученых самых разных специальностей — их объединение оказывалось жизненным не в меньшей мере и благодаря широте и осознанности задач исторического познания, которые каждый ставил перед собой в своей области. Здесь будет не лишним напомнить о некоторых важнейших сторонах деятельности известных ученых, стоявших во главе Академии, так как именно соединением творческих индивидуальностей и определялся общий ее характер. Е. Ч. Скрижинскую связывало с ними достаточно глубокое личное общение. В их научном творчестве заметно выражены те исследовательские установки, которые доминировали в научных работах Елены Чеславовны. Рассматривая труды Е. Ч. Скрижинской в сопоставлении с тем, как работали и понимали свое дело эти ученые, нетрудно прийти к убеждению, что Елена Чеславовна не только была некогда младшим их сотрудником, но и оставалась в наши дни достойным представителем первого поколения ученых ГАИМК.

Главная инициатива создания ГАИМК принадлежала академику Н. Я. Марру, бессменному ее главе в течение 15 лет. Сколь бы спорной ни была фигура этого ученого, надо признать, что именно Марр не только обладал необходимым для осуществления идеи такого учреждения темпераментом, но и мог дать наилучшее обоснование его деятельности. Как хорошо известно, Марр был крупнейшим кавказоведом. Исследуемый им материал, имевший очень древние корни и вообще богатый историческим прошлым, вместе с тем в определенном смысле обособленный и специфичный, к тому же в то время недостаточно разработанный, сам побуждал ученого выработать связное представление о многих сторонах культуры целой группы народов. Марр последовательно переходил от языка к верованиям, быту, письменным и вещественным памятникам «от доисторического состояния до наших дней». Но главным предметом оставался язык, именно в его истории, как в истории человеческого сознания, Марр и пытался найти связь разных сторон культуры. То обстоятельство, что не всегда, особенно в последнее десятилетие его жизни, предложенные Марром решения лингвистических проблем были убедительны, мало меняет здесь суть дела.

Под влиянием идей Н. Я. Марра в новом учреждении соединились вместе изучение по археологическим памятникам общественной жизни, быта и техники, самое широкое исследование

²⁸ Весьма показательным примером этого движения, в частности, в отечественной науке о западном средневековье может служить публикация сборника статей с характерным общим названием «Средневековый быт» (Л., 1925, с. 280), который был подготовлен под руководством О. А. Добиня-Рожественской по случаю 40-летия научно-педагогической деятельности И. М. Гревса. Одним из авторов сборника была Е. Ч. Скрижинская.

верований, этнография и искусствоведение в полном его объеме. Конечная цель, которой подчинялось изучение конкретных материальных памятников разнообразной деятельности человека, заключалась в том, чтобы дать наиболее полную картину человеческой культуры. Причем речь шла не просто о беспристрастном исследовании памятников истории и культуры, но об их изучении с особым вниманием к достижениям культуры предшествующих эпох или, как сказано в первом параграфе «Устава Государственной Академии истории материальной культуры» (с. 5), утвержденного Народным комиссариатом просвещения,²⁹ «с вовлечением в научный оборот достижений исторически сменявшихся одна другую культур». С исчерпывающей полнотой привлекались к делу исследования письменные источники.

Постановка столь широких задач в рамках одного учреждения была под стать тем крупным ученым, которые вошли в ГАИМК. Назовем имена еще двух людей, стоявших во главе ГАИМК, образы которых были весьма памятны Е. Ч. Скрипниковой. Ближайшим сотрудником Н. Я. Марра сначала попеременно в качестве ученого секретаря и товарища председателя, а с 1921 по 1928 г. постоянно на посту ученого секретаря был Б. В. Фармаковский, член-корреспондент Российской Академии наук с 1914 г. Этому ученому принадлежат классические труды как в области истории искусства (главным образом древнегреческого), которую он рассматривал всегда в рамках всеобщей истории, так и в области археологии; прекрасную репутацию приобрел он и как филолог, знаток палеографии и эпиграфики. Благодаря такому соединению разнообразных познаний, как и редкому таланту исследователя, Б. В. Фармаковский сумел восстановить удивительно полно и последовательно жизнь одной греческой колонии в Северном Причерноморье, прославленной его трудами Ольвии, на протяжении целого тысячелетия: периоды ее роста и упадка, систему обороны, планировку, общественный строй, частный быт, религиозные культы, связь с культурными центрами греческого мира. На основе археологических памятников одного города Фармаковский дает конкретное и развернутое представление о наиболее существенных сторонах древнегреческой цивилизации. Точно так же за каждым отдельным памятником искусства он видел ряд важных явлений в истории художественных традиций, верований и культурных связей; как говорит один из авторов, писавших о его научном творчестве, Б. В. Фармаковскому было свойственно «комплексное изучение памятника».³⁰

Таким же деятельным сотрудником и нередко советчиком Н. Я. Марра выступал С. А. Жебелев, с 1923 по 1928 г. пе-

²⁹ См. ст.: *Пескарева К. М.* К истории создания Российской Академии истории материальной культуры. — КСИА АН СССР, 1980, № 163, с. 3.

³⁰ См. серию статей в «Кратких сообщениях Института истории материальной культуры» (М.; Л., 1948, т. XXII, с. 5—20). — См. особо с. 11, 15, 18.

изменно занимавший пост товарища председателя (с 1927 г. действительный член Академии наук СССР). Филолог, историк, крупный знаток античного искусства, С. А. Жебелёв завоевал себе международное признание прежде всего исследованиями в области политической, правовой и религиозной (точнее, сакрально-правовой) истории греческих государств эпохи эллинизма. Эти работы были построены на эпиграфическом материале с использованием всюду, где это было возможно, литературных текстов, которые С. А. Жебелёв знал превосходно. Немало обстоятельных и тонких исследований он посвятил и отдельным надписям, убедительно раскрыв содержание даже тех из них, которые сохранились в фрагментарном виде. С исчерпывающей полнотой Жебелёв умел восстановить иконографические традиции и культурные связи при изучении отдельных памятников искусства.

В таком же русле, с таким же размахом и мастерством вели свои исследования и многие другие ученые, трудившиеся в Академии. В целом в деятельности ГАИМК сочетались самый широкий охват исторического материала и целенаправленная разработка специальных разделов источниковедения, действовали комиссии по исследованию памятников определенного рода — по изучению миниатюр, нумизматике, глиптике и др.

Вероятно, именно в ГАИМК, знакомясь с научными интересами своих старших коллег, Е. Ч. Скржинская развила всегда отличавший ее интерес к смыслу и стилю работы историков самых разных специальностей. И, очевидно, здесь она усвоила тот общий для ученых ГАИМК подход к источнику, при котором с изучением каждого конкретного исторического памятника связывалось обстоятельное рассмотрение всех тех явлений общественной жизни и тех культурных традиций, которые этот памятник представляет. В ГАИМК она перешла от изучения текстов к самостоятельному исследованию подлинных памятников средневековья — изучению эпиграфических памятников итальянских колоний в Крыму.

На склоне лет Е. Ч. Скржинская с гордостью вспоминала о замечательных ученых, рядом с которыми пришлось ей работать в пачале ее научного поприща, и в своих рассказах рисовала их индивидуальные человеческие портреты, исполненные достоинства и вместе с тем нередко оживленные ироническими чертами.

В заключение нашего очерка назовем еще одного человека, академика Н. П. Лихачева, своими трудами как бы давшего классическое выражение тому направлению научных исследований, к которому Е. Ч. Скржинская, пожалуй, наиболее тесно примыкала. Деятельность этого ученого поражает чрезвычайно широким охватом подлинных памятников письменной, правовой и художественной культуры и вообще человеческой цивилизации, которые он изучал и собирал. Напомним, что помимо русских материалов (большого числа рукописей, документов, икон) в его коллекции были богато представлены клинописные глиняные

таблички Ассирии и Вавилона, византийские печати, западноевропейские документы с IX по начало XX в., монеты, античные, средневековые и нового времени, и т. д. Собирая свои сокровища, Н. П. Лихачев проявил необыкновенную проницательность в определении основного смысла и главных достоинств памятников разных народов и эпох. Разумеется, в предварительной оценке памятников, с которыми он имел дело, ученый опирался в значительной мере на знание их внешней формы, и эстетическое восприятие подлинных памятников истории и культуры занимало важное место в его общем подходе к ним. Но большинство этих памятников Н. П. Лихачев знал по существу, коллекционирование у него определялось научными замыслами, подчинялось задачам конкретных исследований. И важно отметить, что общим отличием абсолютного большинства памятников, привлекавших его внимание, является то, что их изучение дает конкретное представление о формах сознания, нормах, знаках и вещественных эталонах, которыми определялись отношения людей в прошлом, их поведение, их повседневная жизнь в целом и в известной мере их творчество. Главная же цель, которую преследовал Н. П. Лихачев в исследовании такого рода исторического материала, заключалась в том, чтобы заново раскрыть конкретные пути восприятия Россией мировой культуры с самого начала Русского государства и прежде всего показать культурную преемственность средневековой Руси по отношению к Византии и Италии.

Е. Ч. Скржинская впервые познакомилась с Н. П. Лихачевым и с материалами его коллекции в 1916 г. С той поры и до самой смерти Николая Петровича в 1936 г. не прекращалось их близкое общение. Однажды Николай Петрович даже принес папские буллы из своей коллекции прямо в дом Скржинских на Крестовском острове. Как известно, коллекция Н. П. Лихачева, получившая в 1925 г. статус Музея палеографии (с 1930 г. Музея книги, документа и письма), на основе которого в 1931 г. был создан Институт книги, документа и письма (ИКДП), послужила важнейшей основой деятельности образованного в 1936 г. Ленинградского отделения Института истории АН СССР, в который ИКДП вошел как Сектор вспомогательных исторических дисциплин. Уволенная в 1930 г. из ГАИМК в результате реорганизации этого учреждения, с которой было сопряжено неоправданное, как потом было признано, свертывание ряда направленной научной работы,³¹ в 30-е гг. Е. Ч. Скржинская принимала участие в трудах Института истории естествознания и техники, где было собрано большое число высококультурных и талантливых работников. Накануне Великой Отечественной войны она стала доцентом кафедры истории средних веков Ленинградского университета. С 1943 по 1953 г. Елена Чеславовна вновь рабо-

³¹ *Тиханова М. А.* Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК—ГАИМК). — КСИА АН СССР, 1980, № 163, с. 36.

тала в Институте истории материальной культуры (бывшей ГАИМК). И только в 1956 г. она была зачислена в штат ЛОИИ АН СССР, и именно здесь по-настоящему раскрылась ее творческая индивидуальность.

Не оставляя других, ранее начатых, работ, Е. Ч. Скржинская быстро приобрела репутацию самого крупного исследователя Западноевропейского фонда в Архиве ЛОИИ АН СССР. Подобно личности его создателя Н. П. Лихачева, образ Елены Чеславовны навсегда соединился с рукописными сокровищами этого фонда. Именно в ЛОИИ СССР, где над изучением документов и рукописей трудятся совместно историки феодальной Руси, западного средневековья и Византии, могла быть оценена эрудиция Е. Ч. Скржинской в ее настоящей широте. Именно здесь при виде впечатляющей картины письменной и правовой культуры европейских народов, которую представляет коллекция И. П. Лихачева, лучше всего может быть понят и сам дух научных изысканий Е. Ч. Скржинской. Здесь оставила она преемников и верных хранителей ее памяти.

А. М. ПАШКОВ

Д. И. ПРОЗОРОВСКИЙ — ОСНОВАТЕЛЬ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЕТРОЛОГИИ

Складывание исторической метрологии в России происходило во второй половине XIX—начале XX в. Научная разработка ее проблем была тесно связана с развитием исторической науки. Публикация в первой половине XIX в. большого количества исторических источников и активная разработка с 50-х гг. проблем экономической истории вызвали появление первых метрологических работ П. Г. Буткова,¹ И. П. Сахарова² и других ученых.³ К этому же времени относятся первые попытки изучения единиц измерения по отдельным регионам.⁴ Интерес к историче-

¹ Бутков П. Г. Объяснение старинных русских мер, линейной и путовой. — Журнал Министерства внутренних дел, 1844, № 8, с. 11, 247—293.

² Записка для обозрения русских древностей. СПб., 1851, 80 с. — На авторство И. П. Сахарова указывает Д. И. Прозоровский (ЦГИА СССР, ф. 950, оп. 1, д. 398, л. 378).

³ Заболоцкий М. П. Историческое исследование о ценностях в Древней Руси. СПб., 1854. 109 с.; Лешков В. Н. О народном продовольствии в Древней Руси. М., 1854. 62 с.; Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. 321 с., и др.

⁴ Ханьков Н. В. О весах и мерах Закавказского края. — В кн.: Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1851, с. 536—579; Мельников С. Е. Единицы старых русских весов и мер. — Вологодские губернские ведомости, 1852, № 31, и др.